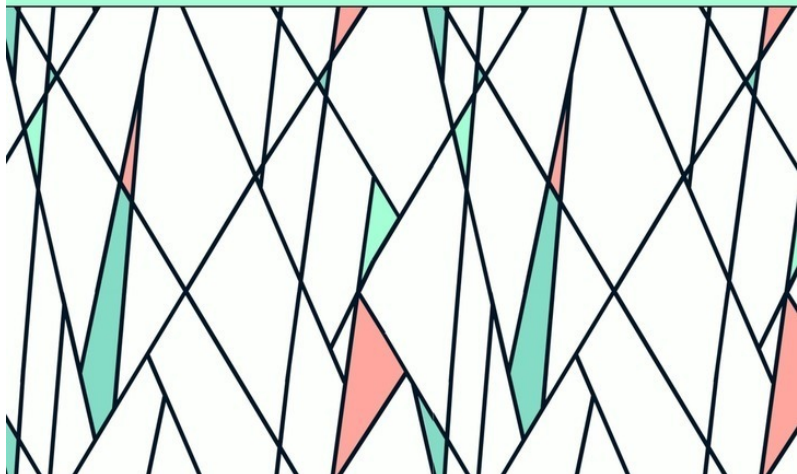

Александр Беляев

*Вторая
половина*

Стихи

Александр Беляев
Вторая половина. Стихи

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22573389

ISBN 9785448362101

Аннотация

Книга «Вторая половина» включает московский период жизни автора, который начался в 1984 году и длится по настоящее время.

Содержание

Вторая половина	7
Майская ночь	7
Вы говорите...	8
Неведомое	9
Карма магра	11
Размывы	13
Двое	15
Ощущения	17
Ожидание	19
Взгляд с самолета	20
Лубок	22
Осенний сонет	24
Медитация	25
Путь	27
Жалоба 1	29
Жалоба 2	31
это было	33
Из глубины	35
Сирень	38
Сонет о себе	39
Сонет о совсем юной беременной девушке	40
Безысходность	41
Сентябрь	43

Еще вместе	44
Осенняя история	46
Зимняя история	48
Предчувствие конца	50
Наркоз	51
Фиолетовые сумерки	53
Предчувствие	54
Лето	55
Триптих	56
Ночь	58
Между строк	60
Весна света	62
Глядя во тьму рассосредоточенно	64
Друзей сменяют души	66
Войти в осенний день	67
Момент слабости	68
Я и ты	69
1	69
2	69
Элегия	72
Зима девяностого	73
Межсезонье	74
Ощущение	75
Наполовину проснувшись	76
Март	77
Осыпается яблоня	79

Анты	80
Магия предъзимья	81
Вечерняя магия	82
Осенняя магия	83
Сонет об одном дне	85
Вечер	86
Сонет	87
Октябрь	88
Признание осени	89
Май	90
Завтра	91
Майское опьянение	93
Девушка-весна	94
Сон	95
Запотевшее стекло	96
Зачем?	97
Август	99
Гостья	101
Февральская оттепель	103
Ушедшее	105
Цикл «Серые краски»	107
Все рушится	107
Конец ознакомительного фрагмента.	108

Вторая половина
Стихи
Александр Беляев

© Александр Беляев, 2017

ISBN 978-5-4483-6210-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Вторая половина

Майская ночь

Глаз флигеля, желтый и цепкий,
В стране, где оттенки незримы.
Деревьев тяжелые ветки
И тени и веки любимой.

Казалось, смолой закипала
И пламенем, плотно-весома
Из каждого зева лизала
Густеющий вар чернозема.

Казалось, рассвета не будет,
Забрались в тоннель и не выйти
Где черный юродствует пудель
В своей уморительной прыти.

Со всем измеримым прощаясь
Земное ушло в запредельность
И долго о той совещалась,
Которой леталось и пелось.

Вы говорите...

Вы говорите что-то о приличье,
Но знаю, как постыла и убога
Вам ваша жизнь, что впившись в мертвом клинче
О если б крылья только, только ноги
Она скрутила, каждую частичку
Души и тела жадно иссушила
Вы говорите: «К вашему величью
Лишь прикоснусь – живительная сила
Чела коснется, стынь отогревая,
Позвольте ж ненавязчиво служить вам
Хоть изредка. О Боже, как мала я!
Не знаете, что в этот миг ложиться
Невидимым перстом благословенья
На ваше сердце тайный светоч ризниц,
Где вы найдете чашу искупленья
За жертву этой беспросветной жизни

1985 г.

Неведомое

Сначала ждать, почти не веря,
Порою с миною досады,
Что жарко там, где ждал прохлады,
Пугаясь долгожданной двери.

Но что-то вспыхнуло, сместилось,
И твердо зная – завтра поздно,
Как бы в ломоте предгриппозной
Войти, отдаться ей на милость,

Быть битым, изорвать перчатки,
Лежать, зализывая раны,
И вдруг почувствовать неожиданный
Горячий след святой печатки.

Чем одарила? Слаще? Горче?
Да был ли там? Да было ль это?
Немного тени в далях света,
Иль светлячок во мраке ночи?

Иль никого. Себя услышал
И не заметил отраженья?
Искал внутри опроверженья
Иль доказательств, данных свыше?

Сошел с ума? Самовнушенье?
О, покажись! Сезам, откройся!
Ты клад сокрыл? Браслеты, кольца?

.....
Нет, ввысь ведущие ступени.

1985 г.

Карма магра

Все эти ценности-условности,
Все эти пажити-повинности,
Сопротивленьё вздохам совести,
Благоволеньё чьей-то милости

Все эти горести по поводу,
Все эти возгласы: «Научены!»
Перроны-встречи, рельсы-проводы,
Стремнины, омуты, излучины,

Трагедии-сиюминутности,
Сокровища сиюизвестности
Полуослепших монстров скупости,
Самоубийц неинтересности.

Все, что клеймят жрецы забвения,
Каленым жезлом жгут романтики —
Не мастерская ль вдохновения?
Не знаки ль взвездной дидактики?

Плюс-минус противоположностей,
Ступени неуничтожимости,
Греха и блага вечный множитель
На тропах тайных и извилистых.

1985 z.

Размывы

Каких обид неясный зов
Почти неразличимый всуе
Однажды пересытит кровь
Смерчи и ливни в ней прессуя?

И если стон незаменим
И тишина необъяснима
И не отчетливей, чем дым
Раздумий зреющая сила,

Когда бессмысленней чем звон
Слов многоярусных плетенье,
Но от признанья нем наклон
Так, словно сдан на попеченье
Творцом природы тайный смысл
Незначимости и размыву,
Где формы знак – лукав и пришл,
А пониманье молчаливо —
Не жди ответа на вопрос,
Не изводи себя курсивом:
На завершенность поз и рос
Значенье не переносимо.
Побег, буравящий асфальт
Иль голос снов и вдохновений
Неизъяснимее, чем альт

В оркестре скрипок совпадений.

1985 г.

Двое

С философией
Вечно в споре
Горный оползень,
Ярость моря.
С покаянием
В смутных душах
Время-таянье —
Слушай, слушай...
– Над развалинами
Крепостными
Побежали мы —
Пел осинник.
– Нас штурмуют
Растений полчища-
Пели стены.
В бойницах корчился
Непонятым оскалом
Древности,
Стержнем ржавым,
Куплет о верности.
Отзвук славы
И мох меж плитами
Рва канавы
Плющом утыканы.

Все в движенье,
Лишь двое замерли,
Как в мгновенье
Подъема знамени.

1985 г.

Ощущения

Я вас ловил часами,
Ваш гид и ваш свидетель
В мозаике касаний,
В загадке, как раздеть их?

Смешав цвета и тени
По просьбе гамм-созвучий
Я предавался лени
Дождинки в чреве тучи.

То вовсе из природы
Органных пассакалий
Текущим эпизодом
Пил океан печали.

Как будто взять измором
Безмолвие сезама
Утратил пыла порох
И заболел слезами.

И не было прощенья
Ужасному проступку
В слепом перемещенье
Стены в тоннеле жутком.

Но в это угасанье
Пустынных коридоров
Спокойными глазами
Глядит, желанн и дорог,
Блик ласкового света
Простой метаморфозы,
Где ничего не спето
И ничего не поздно.

1985

Ожидание

Пока что я полон чужим,
Но где-то свое притаилось,
И только тончайший нажим
Затеplit желанную милость.

Пока что сознанья клише
Заполнило сказанным, спетым,
Не мною, разумный кошель,
Забывший о музыке света.

Я знаю, и это пройдет,
Но все же немного печально,
Ведь светит лишь то, что грядет,
Покуда подспудно и тайно.

1985 г.

Взгляд с самолета

Карточные домики,
Кукольные праздники
В равнодушном промельке
Мимолетной пластики.

Ромбики, квадратики,
Спичечные елочки:
Видят грязь старатели —
Здесь же все на полочки
Ладненько разложено —
Четкость и гармония.
Лакировка? Боже мой,
Китеж-град, Инония!

О, раздвиньте взгляды же
В синеве заоблачной,
Не скучна ли правды жесть
Тех, кто жив прополочкой!

С эмпирей возвышенных
Глянуть, не хотите ли?
Дивным светом дышит смыв
С будничной обители.

Успокоим души мы

Мыслью иллюзорною:
Сей мирок игрушечный
Не страшит и взорванный

Только бы не снизиться,
Задержать полета миг!
Но, пардон, провизия...
Керасин с пилотами...

1985 г.

Лубок

Отвернусь от настоящего,
Поселюсь в лубочной, красочной,
Что пестра, но ненавязчива,
Позолочена, но празднична.

Пусть оберткой подарочной
Пусть рекламной этикеткою,
Резвой детской скакалочкой
Неказистою, но меткою
Скоморошьей прибауткою,
Ладной дымковской игрушкой
Развернется недоступная
Волость окрика петушьего.

Чтобы все понятно-радостно
Там, где дьявольски запутано
Или слишком многоярусно,
Затуманено, закувлено
В нашей будничной обычности,
В вечной недоговоренности
Полуправд разноязыческих,
Многословий пустозвонностных.
Чтобы звалось черным – черное,
Другом – друг, а недруг – недругом,
Чтоб опорю плечо мое

Утомленным, чтобы грудь дугой.

Не навечно, так хоть временно
В доме чувств простых, отчетливых
Поселить мою потерянность,
Чтоб раешными полотнами
Мир глядел, чтоб окна настезь всяк —
В душу, в небо, в вечер ласковый...

.....
Так нечаянно расплачешься
Неоконченную сказкою.

1985 г.

Осенний сонет

Как не сгуститься облакам
Над сном пустынных перелесков,
Где то печали занавески,
То вдруг – прозрения строка.

Где поседевший великан
Идет – и каждый шаг приглушен,
Лишь очарованные души
Летят к большим его рукам.

Кому-то ночи коротать
В воспоминаньях лиц и судеб,
Кому-то двери затворять

И знать, что сердце не осудит
Излишне вычурный наряд
Пришедшей из осенних буден.

1985 г.

Медитация

Я снова к вам из царства тьмы
Из пепла грусти – в света праздник
Вошел смиренным и немым,
Спасенным от ужасной казни.

Вошел – и сел у бледных стоп
Той, чей глагол сплетен из зова,
Внимать движению цветов
В беззвучном танце бирюзовом.

Покуда фон менял окрас
В невыразимом вихре темы,
Рисуя трепетную вязь
Едва означенной поэмы,

Покуда возникал тоннель
И открывались дверь за дверью
В тишь первожданности, в метель
Падучих звезд, в «могу» и «верю»,

Покуда книжных аксиом
Ломалось гор нагроможденье,
В необъяснимом и простом
Одно лишь виделось – знаменье.

И вещей знаков тайный лик
Являло первооткровенье,
И был то хладен – то слезлив
Мотив слиянья дня и тени.

И мне казалось – то иду
За бликом той, чья власть незрима,
То вдруг огнем ярчайших дум
Черчу небесные перила...

Увидеть надпись, что, омыв,
Не отпускает жизни лета...
«Я к вам пришел из царства тьмы,
Но я унес частицу света».

1985 г.

Путь

Прозрачность чувств, размытость слога,
Нечеткость образов и лиц,
Неосвященная дорога,
Сознания узенький пролив.

Где справа – страх глазами мидий
Сквозь створки вперился во мрак,
А слева в глыбе чащи виден
Знакомый всем печали знак.

И лишь мелодию неясно,
Почти на грани забвения
Поет рассеянно и властно
Необъяснимого смутьян.

Он околдует сутью звука,
Его внебуквенной строфой,
Он тот, кто зрел лицо испуга
Как новым краскам нужный фон,

Он тот, кто вел и был ведомым
(Как мне казалось), но куда?
Прочь от крыльца родного дома,
Свои пожитки раскидав?

Иль был ключом от новых комнат,
От скрытых в стенах тайников,
Где невозможно не припомнить
Себя в круженье мотыльков.

Итак, по ниточке сознанья,
Сквозь гущу скорченных дерев
Прийти к истокам узнаванья
Всего, что чувствуют, прозрев.

1985 г.

Жалоба 1

Я огляделся и отметил
Черты недавних изменений —
Хотелось крикнуть, что в ответе
Не мы, ни первый, ни последний,
Что непрерывного смещенья
Сюжет не нами узаконен,
Что было свыше повеленье,
Чья правда всех куда-то гонит.
Не мы виновны, тают снега
Тысячегорбые верблюды,
Увы, незримы планы неба
И лишь незнаньем живы люди.
(О, не заведуют познаньем,
Подвергнув тайну остракизму,
Когда в рожденье-угасанье
Лишь блик уродующей призмы).

И вот плетется сеть морщинок
И уж былым надтреснут голос,
И тот, с кем боль не разобщила
Тобою каждым днем исколот.

И засыхает сочный стебель
И увядает пышноцветье,
Как вдруг свершившуюся небыль

Явит душа: мы те же дети,
Забутые тобой и каждым
Внутри изрядно ржавой клетки,
Желающие спеть о важном
Лишь нам поведанном секрете.

Жалоба 2

Я ждал сокровенного,
Трепета тайны,
Но пелось мгновение
Взоров случайных:
Какие-то мелочи
Звени игольчатой,
Обрывки значений —
Не поиски выхода,
Не скучные перечни —
Ливневых прочерков
К восторгу сирени
Мгновенные выпады.

Ты жаждал быть узанным
В строках и детях?
– Вязал себя узами,
Путался в петлях.
– С бесстрастным лицом
Углубился в пророчества?
– Я стал мудрецом,
Но обрел одиночество.
Так как же быть с Истиной,
Богом, искусством?
– Все просто: тенисты
Аллеи в Нескучном,

Все просто: фигурка
В оконном багете,
И выхвачен миг
Из прыжка в угасание,
Где в жизни рисунка
Обрящет бессмертие...
Но ты не постиг
Сопричастья глазами.
Ты думал отмечен
Святою отметиной?
А важно, что вечер,
Что ждет в темноте окно.
Раздумий родник —
В свет открытая дверца,
Но ты не постиг
Соучастия сердца.

1986 г.

ЭТО БЫЛО

Так пусто, лучше б боль была!
Не цель, хоть повод к выживанию,
Что угли – даже не зола,
Какой-то мусор без названья.

Что это? Если б только мрак!
Греховность? Слишком много чести!
Забитый досками чердак,
Где моль, да пыль, да груды жести.

Растут из ветоши стихи
Про отработанное масло,
Про суп из тухлой требухи,
С отрыжкой, даже не гримасой.

И эту фабулу нитья
Мы именуем состояньем!
Уж лучше пуля или яд,
А то – конвульсии в бурьяне.

Самоубийство? О, шалишь!
Там компонент огня и стали,
Там не помоями залит,
А тьмою ужаса ужален.

За вдохновение – венец!
Ужель и это стихотворство!
Я этим строкам не отец,
Вдовец... или могильщик просто.

1986 г.

Из глубины

И просто листочки,
И просто цветочки,
Бесчисленных ландышей
Белые точки...

А чудится – дочки
Затылок белесый
Снующим клубочком
По вышивке леса.

И словно бы полдень,
Ушедший далече,
В весеннюю просинь
Из детства крылечко:
Оттенки не четки
За сада оградой,
Щекою у щелки —
И кажется – радость
Запретно огромного
Там за калиткой
Скрывают укропа
Короткие нитки.

Возможно здесь город,
В который приехал,
Дремотная поросль

Окраины. Эхо
Карьера. Рассудок,
Обрывки фантазий,
Призыв незабудок —
И хочется наземь,
Как будто не память,
А с сыростью запах
Сквозь синюю замять
Ушедшим закапал.

И опалесцируя
Сумрака светом
Тоннель процитировал
Улицу лета,
Высокие стены
Листвы без движенья,
Дыханья сирени
Густое свеченье,
И мамы рука
(Я ей только по пояс)
К себе привлекла
И баюкает голос.

.....

Весенних побегов
Зеленое пламя,
Бездонное небо
Слепыми глазами
Глядит в никуда
С выраженьем намека.

И только звезда
И всезрящее око

1986 г.

Сирень

Сирени лиловые ливни —
Нехитрого счастья замена
В твоей беспорядочной жизни,
В моем ожиданье знаменья.

Как будто был кто-то не прав
И жаждал провинность загладить,
Но, в спешке цветы обобрав,
Утратил гнетущую память

Как будто немое прощанье
Излилось слезами прощенья.
Как много они предвещали,
Но пали дождем упущенья.

1986 г.

Сонет о себе

Быть признанным – наврядли мой удел,
Я подчинен иной, нездешней страсти,
Мне недоступны золото и пластик,
Но отдан сфер невидимый раздел.

Служить стихами девушке-звезде,
Прозренью снов и Истины распятью,
И замереть как бы не веря счастьем,
Увидев пляску света на воде —

Вот тайный зов и плата за строку.
Тисненье книг и золото заглавий —
Все дарится мечте и ветерку.

И лишь они судить бесспорно вправе —
Где Нотр Дам, а где модерна куб,
Где халцедон, а где – а где дорожный гравий

1986 г.

Сонет о совсем юной беременной девушке

Как совместить почти ребенка лик
С округлостью преддверья материнства,
И губ припухлых зыбкое единство,
И убежденность: носик – чуть велик.

Недавно бантов фантики цвели
В косе – прическе робких восьмиклассниц,
А нынче мальчик-муж. И нежно-властны
Касанья. Словно в таинства ввели

И в странные секреты посветили,
Как бы случайно перепутав стили:
Передник мал, а платье – до земли

И в мир вернув – тотчас о них забыли
Иль что-то переделать не смогли,
Вдруг ощутив тщету своих усилий.

1986 г.

Безысходность

Я бы назвал это мукой
Горьких обид в былом.
Бледные тонкие руки,
Мутный окна разъем

Тихо, в туман заброшенный,
Чей-то унылый взгляд
Вынес в событий крошево
Тусклые два угля.

Или за образ тягостный,
Серых картин рассказ,
Словно от моря парусник,
Он отлучен от глаз.

Сумрак покинутых комнат
Душит песком невзгод:
Только одно и помнит
Стены из года в год

Пыль. Лишь в углу мерцает
Ветхих обложек ряд.
Только одно и знает —
Нету пути назад.

1986 z.

Сентябрь

Так тихо. Осени оазис,
И одиночество не в тягость,
Где в бессюжетном сна рассказе
Теряет вес любая тяжесть.

Пусть рядом что-то происходит,
Но здесь нет места для событий,
Лишь шелест тысячи мелодий
Прядет невидимые нити.

1986г.

Еще вместе

Пропеты гимны, славословья
И вот, в предчувствии конца
Вновь обращаюсь к ней с любовью,
Читая «нет» ее лица.

Как я нашел ее! Но все же
И в глубине и в вышине
Нам были принципы дороже
Того, что словно светоснег,
Окутав скованные души,
Укрыв мучительную явь
Звенело счастьем: «Слушай, слушай,
Все ложь, а правда – ты и я»

Но светоснег вобрала нега,
И, не затронув нашу суть,
Он растворился в выси неба,
Как легкий дым, как млечный путь.

Тогда, опомнившись от ласки,
От сладкой дрожи, ярких снов,
Я понял: все, что было – сказка,
А сказке сбыться не дано.

Уж лучше на пути тернистом,

Цветы доверия сгубив,
Ждать снова милости Пречистой,
Теперь уж в муке возлюбив.

Как знать, быть может, канув в небыль,
Я осознаю лишь одно:
Мы не вросли в единый стебель
И каждый дал свое зерно.

1986 г.

Осенняя история

Ноябрь. Пустышка домино
(Лишь в проигрыше десять светит)
В бетонной клетке за окном
Косые, тоненькие плети
Стегают вымученный день
С каким-то нудным постоянством
За то, что нынче не у дел,
За грязь да сумрачное пьянство.
Что, мол, слышали монолог
О прежней жизни забубенной,
Что быстро время унесло
Тот звонкий, светом напоенный.
Де мол – непризнанный талант,
Де мол – утраченная свежесть —
Знакомой песни вариант,
Старо, как рыжий на манеже!

Предлинный сумрака зевок
Сглотнул безликие останки
И псом пристроился у ног
Огромной царственной смуглянки,
Что, опустив вуаль из звезд,
Луж застеклила акварели
(Но вскоре локоны волос
Довольно зримо поседели).

Царила смоль, дышала тьма,
Но что-то белое кружило,
Ложилось пледом на дома,
Дорог запорошило жилы,
Чтоб вскоре в ясной новизне,
Откинув ночи покрывало,
День встал из праха. Падал снег,
А с ним и сказка оживала.

1986 г.

Зимняя история

Всего-то: снег да облака
И в белом мареве земля,
Но странной жизнью облекла
Подсветкой высланная мгла
Шаги, созвучные следам,
Как полнозримые слова,
В стремленье значимость придать
Тому, что теплится едва

Я знаю: видимостью сна
Переиначит тишина
Сознания трепетную ткань
По мановению платка,
Да вороненое крыло
Прочертит мутное стекло
Грядущим криком темноты,
Чтоб в черном пламени остыть.

Воздушной ваты густоту
Проглотит ночи пустота,
Чтоб карлик, жалок и сутул,
Не посягал на пьедестал,
Пусть до утра он юркнет в снег,
В сердцах обдумывая месть,
А там, забывшись в чутком сне,

Вдыхает световую взвесь.

Все это было столько раз,
Сюжет разучен по складам
Но там лишь слитки серебра,
А филигрань не воссоздать

1986 г.

Предчувствие конца

Кто знает, страсть ли то была,
Иль вспышка жажды материнства,
А нынче – теплая зола
И легкий пепел серебрится.

Но возлюбившему сквозь боль
Уйти сегодня тем труднее,
Чем чаще сердца перебой,
Чем губы сжатые бледнее.

1986 г.

Наркоз

«Прощай выюг твоих приютство (М. Цветаева)»

Только выюг твоих приютство,
Наших душ несходство,
Цепи тяжкие банкротства
Заново куются.

На крыле любви носила,
Нежила два года,
А сегодня перекрыла
Вентиль кислорода

Как же так, неужто лучше,
(Ежели не ранен)
Жить и знать: к тебе подключен
Аппарат дыханья.

Я молю, метаю взоры
(Рот закрыла маска,
Сзади дверь, на окнах шторы,
Лампочка погасла).

– Душно мне! Открой же краны
Или, если поздно,
Дай дурманящей отравы,

Оглуши наркозом!

Не ответишь, не услышишь,
Не вернешь дыханье,
Ждешь чего-то, словно свыше
Ловишь указанье

Может просто сдернуть маску?
Не поднять руки мне —
Жду печальную развязку
В тягостном унынье.

1987 г.

Фиолетовые сумерки

Фиолетовые сумерки
Шепчут мне об одиночестве,
Дескать, спрятались, не умерли,
Изготовились для ночи все

Намекая на сновидчество
(Не бело – лилово марево)
Из малюсеньких кирпичиков
Строят новое из старого.

Все внутри переиначивать
Им привычно и обыденно:
Удлиняя – укорачивать,
Плавить зримое в невидимом.

Зазевался, пересек рубеж —
И попался в студенистый ком,
А уж там – живи, как вздумаешь
Лишь тебе понятным признаком.

1987 г.

Предчувствие

Какие рифмы мне позволены,
Какие темы мне отпущены,
Какие ноющие пролежни
Взойдут пустотами бездушными,

Не дни – упреки биографии,
В своей безликости забытые.
Иль черно-белым ритмом графики,
Сермяжных истин монолитами
Моя дальнейшая означится —
Не мне роптать, я это выстрадал.
Приемлю все. Душа укладчица
Двух слов мучительного вывода

1987 г.

Лето

Это липами пахнет.
Голубые тоннели
Ткут пространство плотнее.

Полдень в лето распахнут.
Засекречены дали,
Перевернуты цели.

Провожу ожиданье
До ближайшего дома,
До случайного вздоха.

Словно юность раздали
Каждой метке знакомой
По невидимой крохе

1987 г.

Триптих

Я стоял, заморожен,
Но не тяжестью свинцовой,
Не дыханьем голых крон —
В бурой зыби зрело Слово

Словно тягостный октябрь —
Гроздь крушений и строительств
Под конец шепнул гостям
Христианское «Терпите»

Словно что-то осознав,
Словно вспомнив, серый зритель
Из забывшегося сна
Грустно молвил «Не судите»

И добавил, посветлев,
Ликом в крошечке событий,
Осенив того, кто тлел
Светоотзвуком «Любите»

Я стоял, заморожен,
Освещенный в зале тихом,
Словно рампой, с трех сторон
Непридуманным триптихом.

1987 z.

Ночь

Души полнятся звучаньем
Там где немо море звуков,
Словно дышит за плечами
Темень узких переулков.

Недосказанным и тайным
Перечеркнуто дневное,
Чтоб в мгновенном и случайном
Зрело облако покоя.

Кто-то с желтыми глазами
Полуночных стен изнанкой
Исполняет указанье
Ждать показа звездных знаков.

Снег то колет стекловатой,
То, прильнув к густым потемкам,
Засыпает, сер и матов,
Перехваченный тесемкой.

В это время чьи-то мысли
Растекаются по крышам,
Чьи-то взгляды в шубах лисьих
Сонным маревом колышат.

Не найтись, не потеряться,
Только плыть в зыбучем геле,
Осязая пух объятья
Затухающей метели

Остановленное время...
Запорошенные будни...
Ожиданье сотворенья
Из бесформенного студня.

1988 г.

Между строк

Раскрыта прошлого тетрадь...
Вы между строк ее читали?
Не горький перечень утрат
Шепчу бескровными устами

Не триумфальный лист побед,
Амурных битв весомый список —
Сознание ниже лунный свет
На изразцы ажурных плиток.

Шуршит безделицей песка,
Запечатлевшего рисунок
И чертит лики в облаках,
И манит в вечное рассудок.

Там смысл и радостен и нов
Всего, чей облик мимолетен —
Из сна застывших городов,
Когда-т о виденных полотен.

Там штрих, набросок и намек
Стократ значимей монумента...
То – говорок, то – шепоток,
Тропинки выющая лента...

Как будто сотне ручейков
Доверен удивленный разум,
Вручивший трепетную новь
Лишь мне понятному рассказу.

1988 г.

Весна света

В нотном стане ожиданья
Зреют нотки удивленья,
Словно сполохи звучанья
Расцвели зарей значенья

В звонкой битве тем и линий
Дни цветастые проходят,
И покой усталой стыни
Превращается в коллодий.

Обратились берегами
И означились пределом,
Где высвечивая грани
Плавит солнце сажу с мелом.

В пестрых гаммах обновленья
Что ни миг – регистра смена,
Что ни час – иные звенья,
Что ни день – иная сцена.

Недосказанность сюжета,
Круговерть импровизаций,
В переплавке неприметна
Смена снежных декораций.

Словно климата ошибка
Невозможностью возврата
Обернулась, сделав жидкой
Крепость солнечного марта.

1988 г.

Глядя во тьму рассосредоточенно

В ночь уходящему взору
Первым пустился вдогонку,
Словно, нащупав опору
Все же сорвался в воронку
Вздоха открывшейся бездны...
В черном бездонном Мальстреме
Снеговращением звездным
Носятся чувства и темы.
Летняя тьма промокашкой
Все ощущения впитала,
Отяжелилась поклажей
Дальних массивов квартала.
Все, что лениво дремало
Вскинуло легкие крылья,
Вспыхнуло млечным опалом
В струях воздушного ливня.
Словно сознание уносит
Дальше от брэнного тела
В хаосе разноголосиц
Чем-то до странного белым.
Чтоб до конца, без остатка
В пепельной мгле растворится
Где-то рассеяв украдкой
Звонкого утра крупницы.

1988 z.

Друзей сменяют души

Когда строка нахлынет откровеньем,
Не мной произнесенным, но моим,
Восстановив утраченные звенья
С планетой именуемой «былым»
И станет полувывысказанной болью,
Испытанной когда-то имярек,
А нынче в чем-то и моей судьбою,
Несущей в неизвестность, как ковчег
Мир чьих-то слов, давно ушедших взглядов,
Каких-то улиц, пустырей, квартир,
Всего, что и вдали – и где-то рядом,
Пробел, соединяющий пунктир
В весомое и цельное понятие,
Вдруг чья-то утомленная душа
Вольется в круг моих незримых братьев
Листами отшумевшего шурша.

Друзей все меньше, их сменяют души,
Спорхнувшие с прочитанных страниц
В глаза и сердце, в «говори» и «слушай»
Прощальным зовом перелетных птиц.

1988 г.

Войти в осенний день

И в дне таком без умысла бродить
Среди шуршанья, хруста, влажных всхлипов.
В бокале запотевшем пригубить
Горчинку золотистых сонцеликов,
Соединив пожухлость бурых трав
И глубину органной хладной сини:
Так в естестве осеннего костра
Коктейль дымов и огненной святыни.
Тлен – и бессмертье. Сажа – и кристалл,
Невидимый печали колоколец.
И год не сед, но, видимо, устал,
И день звенит, как будто сердце колет.

1988 г.

Момент слабости

Я хочу в цветущие куртины,
В трепетную изморозь листвы,
В головокружение крушины,
В нежную податливость травы
Бросится отчаявшимся сердцем,
Словно это мой последний шанс
Отыскать утерянную дверцу,
За которой прячется душа.
Чтоб в минуты тихого заката,
Осознав грядущий свой закат,
Вспомнить все, чем знал себя когда-то
За чертою юбилейных дат.

1988 г.

Я и ты

1

Помнишь из детства света пургу?
Мальчик и девочка на берегу,
Личико-облачко, ручка узка,
Пальчики лепят дом из песка.
Еле приметен памяти след...
Я тебя знаю тысячу лет.
Или не этот полуовал
Прутиком вереска я рисовал?
Разве не этого платяща снег
Как дуновение вился во сне?
Разве не этот валдайский звонок
Слышал, а утром вспомнить не мог.
Лик, проступивший в теплой золе,
Я тебя знаю тысячу лет.
Здравствуй, ну как там сны без меня?
Домик построен? Дюны звенят?

2

Мальчик придуманный, я не спала,
Просто от скуки сказку сплела:
В ней жили-были он и она
Где-то у моря, в городе сна...
Каждое утро краски зари
Так осязаемы, хочешь – бери,
Каждое утро мой силуэт
Ввысь уносился встретить рассвет.
Чтобы в бушующий пламенем час
Видеть небесного света экстаз,
Чтоб в окруженье горланящих стай
Струны светила ласкали уста.
Днем же являлся занятный сюжет
Солнечных зайчиков, льющих рассвет —
Люди дивились на этот пейзаж —
В небе – искусный зари татуаж.

.....
Ты не парил над юдолью земной
Ты обмывался чистой волной
И оставлял вдалеке берега,
Чтоб для меня нанизать жемчуга.
Как отыскать тебя? Город не мал.
Я не ныряла, а ты не летал,
Не о тебе ли ветры звенят:
– Мальчик, что плавать научит меня».
Не обо мне ли в детской мольбе:
«Та, что подарит крылья тебе».

.....
Так и встречали света пургу

Мальчик и девочка на берегу.

1988 г.

Элегия

Осень. Две прозрачные личины
На прохладной хрупкости стекла.
Нежность поседевшего мужчины,
Ласковая оторопь тепла,
Где в туманы кутая восходы,
Высветлив деревьев купола,
Вековая женственность природы
В тишь погоста души увлекла.

Где-то в давнем сне, цветном и звонком,
И моя, уставшая, сейчас
Бродит заблудившимся ребенком,
Думая о худеньких плечах.
Уж не знаю, плакать или плавить
Сердца воск на капище зари,
Или звать в трепещущую замять
Канувшие в лету сентябри?
И нестись в грядущие потери,
В шелесте листов календаря,
Веруя, что запертые двери
Отворит дыханье сентября.

1988 г.

Зима девяностого

Полдекабря в унылой нагоде,
Полдекабря просроченная осень
И снег сегодня только лишь затем,
Чтоб замереть в мучительном вопросе.

Все рушится – и к смене бытия
Нет интереса на усталых лицах,
Лишь злобы и беспомощности яд,
Как будто в двери ломится убийца.

Забыта вера в чудо Рождества,
(Впервые мысль – переживем ли зиму?)
И как Иван, не помнящий родства,
Блуждаю по пустому магазину.

И тает не востребованный снег,
И спит канкан обиженной метели,
И неуместны сказки при луне
О приключеньях новогодней ели.

1990 г.

Межсезонье

Осень зиме протянула ладони.
Рукопожатие. Гулко и сухо.
Рыжая лошадь в белесой попоне.
Чуткий радар обостренного слуха:
Те ли камня в алмазной короне?
Тот ли альков из лебяжьего пуха?
Сборы кончаются. Все ли успели?
Что упустили, сработали плохо?
И, спохватившись, траву отогрели.
Дымный хлопок облегченного вздоха.
Гость обещал принести акварели...
Масла мазки опадают по крохам...

Словно не быть – ожидание были,
Легкий озноб в предвкушении действия
Не оправдался – и краски остыли.
Знаю – не мне уготовано бегство,
Так повелось, не на то осудили

.....
Первый снежок из далекого детства...

1990 г.

Ощущение

Господь оделся запахом жасмина
И глаз коснулся трепетаньем утра,
Как будто сна густая паутина
И пробужденья муторная пудра
Сменилась ощущеньем растворенья
В невыразимой радости живого,
Где посвящают в таинства деревья
И дарит даль пустынная дорога.

Как будто перевернута страница
Обид и осмыслений дня бывшего,
Когда на мрачных и усталых лицах
Читаешь знак Всевидящего Бога.

1990 г.

Наполовину проснувшись

...И сны смотреть, как бабочек ловить,
И выпорхнуть в растрепанные будни,
Где снег скрипуч, как струны половиц.

Крещенским колким воздухом запить
Горчинку тех, чьи лица непробудны
И взоры не живею вязальных спиц.

В нахохленную важность зимних птиц
Вглядеться всей контрастностью полудня
И призраков дыханием лепить.

А в сумерки печаль свою излить
В громаду застывающего студня,
В безмолвие мерцающих крупниц.

Сюжет одной из множества страниц,
Души напев, угаданный подспудно
В расположенье шариков синиц...

Который все услышать так трудно!

1991 г.

Март

Март, словно детский поцелуй,
Где чувство зрелое не близко.
Прикосновение к челу,
Влюбленной школьницы записка.

Я каждый год его ловлю
Своей затейливой строкою,
Но трудно вымолвить «люблю»
Неравнодушною рукою.

Я каждый год его леплю
Из глыбы мертвенного снега,
Святою влагою кроплю
И выпускаю в просинь неба.

И, как творец-Пигмалион,
Узнав в ожившей Галатею,
Стою на стыке двух времен
И слова вымолвить не смею:

Так сладок утренний твой сон,
Так дышишь ровно и глубоко,
Так воздух в комнате студен,
Что разбудить тебя жестоко.

Осыпается яблоня

Осыпается яблоня,
Как с картона Чюрлениса
Осыпается темпера.

Ткань цветенья расслаблена,
Чаша грез переполнена
Снегом майского вечера.

Дальше будет медвяное,
Разноцветно-ликерное,
Матеоллово-мятное.

Но утратится главное,
Недосказанно-вешнее,
Запредельно-невнятное.

1991 г.

АНТЫ

Мои зеленые тоннели,
Мои трепещущие храмы —
О чем-то вымолвить не смели,
Хоть были в том безмерно правы.

Незримо следуя за мною
В потоке шелестящей ласки
Вы облекались в неземное
И сумрак становился вязким.

И нисходило в травы небо
По мановенью ваших веток,
Переливаясь лунным снегом
И вея сумеречным светом.

И уступали звуки полдня
Господству шорохов и токов,
Где фиолетовая сводня
Следила любопытным оком
За действием колдовского мира,
За танцем пепельных адептов
Как будто ближняя сефира
Плыла ладьей в листву одетой.

Магия предъзимья

В предзимье падал свет белесоватый.
Холодное туманное светило
Разбрасывало клочья серой ваты
И по счетам оставшимся платило.

Срывалось в танец каждое движенье
Над пустырем, что выглядел безлюдно,
Когда в глубины мира погруженье
Затеял лик унылого полудня.

И руки застывали в ожиданье,
И ветви замирали сиротливо,
Улавливая зимнее дыханье
В потоке дней осеннего отлива.

1991 г.

Вечерняя магия

Закат занимался астральными играми
И ширил расщелину между мирами
То грунт насыщая застывшими искрами,
То плавь заливая в оконные рамы.
Хоть времени было отпущено мало,
Он спешку оставил, он знал, что успеет
Пред тем, как покинет пустынную залу
Увидеть, как щель серебра розовеет.
Я только шагнул, но ушел лишь в полшага
В тягучую зыбь колдовского вечера,
Где Некто с лицом умудренного мага
Чеканил ряды золотого сеченья.
И было поведано много чудесного
О том, что мы – боги, прекрасны и юны,
Что в каждом читаются знаки нездешние,
Покуда пылают пурпурные руны.

1991г.

Осенняя магия

Жанра летнего кризис,
Дни в кристалликах соли.
Надо что-то приблизить
И взглядеться до боли.

Словно в маленькой призме
Цепко схваченный лучик
Вспыхнет радужкой жизни
Света веер колючий.

С губ спорхнувшее слово —
Унесенная тайна...
Все на свете не ново,
Даже если случайно.

Без созвучия сердца —
Просто плоский рисунок,
Но откроется дверца —
И пасует рассудок!

Словно это не осень,
И не музыка даже —
Что-то терпкое очень
В ветра долгом пассаже,

Словно это не роща —
Странных ряженных бегство,
Где события проще,
Но за ширмою действо.

Значит явь разменяли?
Мне ль об этом не ведать!
Значит дали устали
Пряным бархатом веять.

1991 г.

Сонет об одном дне

Он был так солнечно-красив,
Так ослепительно отточен,
Так филигранно чист и точен
Был смелых черт его курсив.

В нем жил безмолвия мотив,
Он мыслил, чувствовал, пророчил —
Как пробужденье непорочен,
Как забытье несуетлив.

Зачем Господь его соткал
Всего лишь днем, забытым где-то,
Не ставшим чьей-нибудь судьбой

И если не венцом цветка,
Он мог бы стать строфой сонета,
Чтоб быть прочитанным тобой

1991 г.

Вечер

В душном сумраке ветреном
Я разбужен и схвачен
Облетающем деревом,
Еле слышимым плачем

Может с ветрами прошлыми
К нам доносится жалоба,
Иль скрипит под подошвами
Корабельная палуба,
Предлагая суденьшко,
Неказистое, ветхое,
Но, как легкое перышко
Дуновению верное?

Или диво огромное,
Пробираясь сквозь заросли,
Ищет место укромное,
Да мешаются наросты?

И во тьме наступающей
Все мерещится, движется
Бурой массой пугающей,
Да не может приблизиться.

Сонет

Когда пейзаж достойнее стиха,
А воздух драгоценней, чем поэма,
Я сознаю, что это только тема,
Не видя в том особого греха.

Пусть зазвучит (прекрасна ли, плоха),
Обыденность под пальцами сюжета,
Чтоб ткал рассвет материю сонета
Из пряжи золотистых опахал.

И если не сложилось – не твое —
И новый день не выткался строкою
И не расцвел метафорой закат
Он все равно не канет в забытье,
Одушевленный Божьею рукою,
И будет драгоценнее стократ.

1991 г.

Октябрь

Моя стареющая милая,
Моя октябрьская история,
Винты и плоскости суммируя,
Осознаю – пока в фаворе я.

Наверно что-то запредельное
В твоём неспешном угасании,
Где сон – итогов подведение —
Озвучит нежные касания.

Наверно – тем и недосказана,
И оттого стократ дороже мне,
Покуда все в тебе не названо,
Ведь все слова – пустопорожнее.

1991 г.

Признание осени

Незамутненная, певучая, сквозная,
Свеча зажженная, ты все еще любима:
Твое касание из тысячи узнаю:
Свежо дыхание и музыка глубинна.

Ты золотистые срываешь одеянья,
Ты дали кутаешь в порошу и туманы,
В кристалл проникшее холодное сиянье,
Дворы и парки, воскурившие кальяны.

А мне все кажется, что час уже означен,
Что дни просчитаны, что тьма не за горами,
И лишь пустые заколоченные дачи
Надежно спрячут все, что было между нами.

1991 г.

Май

Все сквозные «прозрачно»
Словно в накипи клейкой
В загустении дачном
Город занят побелкой.

Прихватив на удачу
Распашонку по росту,
В цвете первого плача
Вишня сыпет известку.

Подбирается темень
Все насущное пряча...
Нам бы в шепткую зелень,
О нездешнем судача,
Выпив майскую щелочь
В алкоголе июня,
Вылить в чуткую полночь
Светочарку полудня.

Словно наша задача
Только в том лишь, чтоб ныне
Завершилась раздача
Пудры, буклей и сини.

Завтра

Может я и вправду
Что-нибудь да стою...
Сам себе в награду
Городок построю
И, почив на лаврах
(или я не вправде)
Праздничное завтра
Проживу во славе

Может я и правда
Что-нибудь да стою.
Но поманит завтра
Белою чертою,
И начнут слагаться
Новые знаменья,
Да найдут ли пальцы
Прерванные звенья?

То ли смех совиный,
То ли грай вороний...
Ветерок с осины
Веточку уронит.

Ни чертеж, ни образ —
Смутные наброски —

Словно длинный волос
В лужице от воска.

Нежная прохлада
Под густой сосною...
Может я и правда
Что-нибудь да стою.

1992 г.

Майское опьянение

Вечерняя майская радость,
Червлёных теней трепетанье,
На землю сошедшая благодать,
Созвучная танцу и тайне,
Где лужи – бездонны и лунны —
Глаза темнокозой царевны,
Где струи воздушные струнны
И шепотом листьев напевны.

Казалось, нетрудно подняться,
Проникнуть в ожившие кроны
И там, среди грез побрататься
С эльфийским народцем зеленым.

Казалось, чуть-чуть зазеваться
И мир развернется изнанкой,
Где души предметов резвятся
Беспечною белою стайкой.

1992 г.

Девушка-весна

Она слегка навеселе,
Она немного грязновата,
Она ночует на земле,
Как дикий пращур наш когда-то.

Она впервые в феврале
Тревожит отдаленным гулом
И замирает на челе
Тепла грядущего посулом.

В ней то язычества разгул,
То православья литургия
И оставляют на снегу
Следы ступни ее нагие.

И если чуточку грустна
Душа от пепельного утра —
Я зная: в мир грядет весна,
Хмельна, чумаза, синекудра.

1992 г.

Сон

Была весна... а мне приснилась осень
Во всей красе печали первозванной...
Была весна, промозглая, больная,
А я бродил по сумрачным тоннелям
Аллей, позолоченных сентябрем,
И тихо плакал, словно сознавал,
Что этот путь не воплотиться в жизни,
Что эти арки, этот протосвет
(Не солнечный, не яркий, самосуций,
Который освещает мир во сне),
И эти счастье льющие деревья
Прибудут здесь (до срока? Навсегда ль?)
А я уйду...

1992 г.

Запотевшее стекло

Белеет мутное чело
На фоне плоскости свинцовой.
На запотевшее стекло
Легло коротенькое слово.

Его обратный негатив
Читаю как из-зазеркалья,
Привычный смысл не ухватив,
А уловив лишь очертанья.

Ужель и наш знакомый мир,
Коснувшись зрительной ретины
Мое сознание изумил
Земной изнанкою картины

1992 г.

Зачем?

Днями пустыми исколот.
Ночи – что четки на нитке.
Все не поднимется полог,
Как не меняю напитки.

Ходики гвозди вбивают:
Как-то живу, чем-то занят.
Книги у полки листаю,
Дали по-прежнему манят.

Что-то пишу, как ни странно,
Краски мешаю подолгу,
Даже в иное пространство
Вроде бы знаю дорогу.

Только и там как-то тускло:
Небо-обманка, тоннели...
Словно в давнишнее русло
Льюсь без задачи и цели.

Есть и прекрасные строки —
Больше их стало с годами:
Что нам Бальмонты и Блоки —
Мы и получше видали!

Но не открылось сознание
Миру предвечного света...
Что-то мне надо? – Молчанье...
Что-то не так? Нет ответа.

1992 г.

Август

Вот и август, кому-то подаренный,
У кого-то забравший июль,
И домишко, уютный и старенький,
Даровавший недолгий приют.

Время медленно движется к осени,
Но, как в детстве, душа не болит,
Ей милее короткие просини
И промозглые ливни навзрыд.

Мы с тобой посидим на прощание,
Созерцая бревенчатый свод,
И, возможно, дадим обещание,
Что вернемся сюда через год.

И уедем в столицу обманывать,
Будто райский нашли уголок,
Будет память лукаво заманивать,
Тихой грусти раздув уголек,
Словно звезды здесь были волшебными,
И нездешне светила луна,
И леса с деревьями замшелыми
Приплывали из давнего сна,
Словно были мы прежними, юными,
В светлой ауре первой любви...

Ты признание вычертишь рунами,
Я привычно вздохну Се ля ви.

1995г.

Гостья

В мой странный мир явилась осень,
Шурша плащом из бурой прели.
Мои часы пробили «восемь»,
Мы молча пили и хмелели.

Как много ей хотел сказать я!
Но все забыл – слова, упреки,
Лишь слушал тихий шелест платья
Из желтых листьев и осоки.

Хотел припомнить все бывшее
И пасть пред нею на колени,
Сказать, что я ее не стою...
Но лишь следил за пляской тени.

На стенах оплывали свечи,
Сгущался сумрак в гулком зале...
Я так мечтал об этой встрече,
Но нас безмолвием связали.

Хотел читать стихи, поэмы,
Что были в прошлом ей напеты...
Но наши души были немые,
Как легкий дым от сигареты.

Когда же гостя удалилась
В глухую ночь навстречу тайне,
И дробный дождь, как чья-то милость
Нарушил долгое молчанье
В мой странный мир вернулись звуки,
А вместе с ними – мысль о ссоре,
Где лишь деревья, словно руки
Сплетались в тягостном укор.

1995 г.

Февральская оттепель

Какая ранняя весна!
Какое пепельное царство!
В томленье прерванного сна,
В целебной горечи лекарства
С ней что-то общее. Февраль,
Похоже, безнадежно болен,
И жмет водитель на педаль
Средь половодья вешней воли.
Быть может это краткий миг
И завтра запоют метели?
Так отчего ж синичий вскрик
Сменился трелями свирели.
И почему и хлябь, и грязь,
И жесть безрадостного неба
Вчера с землей держали связь,
Хоть и творили порчу снега,
Сегодня ж... все наоборот,
Снег портит лик тепла и прели
И изнутри его грызет
Червь первой мартовской недели
Не наступившей. Только лес
Еще по-прежнему дремотен,
Еще не явен перевес
В бою живых и мертвых сотен.

1995 z.

Ушедшее

Когда-нибудь все это станет прожитым,
Под слоем пепла тлеющим пожарищем,
Моей печали ульем растревоженным,
Где сладкий мед с гудящим роем жалящим.

Когда-нибудь несбыточным покажутся
И дом и сад и прочая обыденность
И ниточкой невидимую свяжутся
Души томленья и пустая видимость.

В пространстве, для меня не существующем,
Навеки из моей уплыв реальности
Он станет частью памяти тоскующей,
Одной из вех одушевленной давности.

Как много их упало в звуки, запахи,
В напоминанье, схожесть, узнавание:
И желтый венчик первой мать-и-мачехи,
И розовых фрегатов угасание.

Там целый город с башнями и шпилями
Хранится, закодированный в образы,
Промеренный не метрами и милями,
Но ветрами, ласкающими волосы.

Оторванный от каменного молоха,
Живущий жизнью лиц, мелодий, шорохов,
То гаснущий быстрее ночного сполоха,
То шелестящий старых писем ворохом.

Быть может, это несколько надуманно,
Но знаю: в сердце спрятана вселенная,
И сквозь нее проносятся безудержно
Падучих звезд прекрасные мгновения.

1995 г.

Цикл «Серые краски»

Все рушится

Осень, теплая, словно котенок,
Резвых мышек гоняла в саду,
Шебуршала меж старых картонок,
Затевала в листве чехарду.

То, как старый, ленивый котище,
Что припомнил былые бои
Сонно жмурила в небе глазища,
Золотые, как чаша Аи.

То сулила антракт, передышку,
Безмятежность в сентябрьской тиши,
То гоняла, как серую мышку
Мысль по темным амбарам души.

На удачу, смеясь, намекала,
Мол, дождался любимой поры:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.